

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

Хаджи-Александр Джурович
Трудно снимать документальный фильм о человеке, которого в фильме нет.

Hadzi-Aleksandar Djurovic
It's hard to make a documentary about someone who does not appear in the film.

Войцех Пшоняк
Важно именно в Москве сказать, что мы не политики, а художники.

Wojciech Pszoniak
In Moscow it's very important to make it clear we're artists and not politicians.

ПОЮЩИЕ БАШМАКИ
PEESHITITE OBUVKI

стр. 3

ЭКСЦЕНТРИКИ
EXCENTRYCY, CZYLI PO
SŁONECZNEJ STRONIE ULICY

стр. 4

24 СНЕГА

стр. 5

ЧУЖАЯ РАБОТА

стр. 5

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ
ZIEMIA OBIECANA

стр. 6

РИККАРДО СКАМАРЧО
RICCARDO SCAMARCIO

IMPERIALE
Chopard

Бутики Chopard
Москва: ЦУМ, тел. 8 800 500 8000
Третьяковский проезд, 9, тел. 495 933 3383
Кутузовский пр.-т., 31, тел. 495 933 3031
Барвиха Luxury Village, тел. 495 225 8870
С.-Петербург: ДЛТ, тел. 812 648 0850

ЭКСКЛЮЗИВНО В *Mercury*

«Интернат» реклама

RANDHIR KAPOOR

JURY

Once in the middle of the 70's I was taking a train from Moscow to Sverdlovsk. Twenty-five hours passed very quickly, as all day long, making pauses only for a snack, an elderly lady in my compartment was re-telling the plot of the Indian film "A Life of Devotion". I had already seen the movie, but the interpretation of the lady was absolutely spellbinding. She gave a very detailed and emotional account of love, parting, motherly feelings and the devotion from the film's title.

There was nothing extraordinary in this episode. Indian cinema was essentially all but the most popular entertainment in the Soviet Union. There were very few American movies; French and Italian films did make their way to the Soviet screens, but in small doses and after strict censorship; but there was always about a dozen Indian films every year (although due to color film deficit Bollywood movies circulated in black-and-white, like the above-mentioned "A life of Devotion").

This popular love began in late 50's – early 60's, when the Soviet audience saw "The Tramp". To say Raj Kapoor – the director and lead actor – was loved, would be putting it too mildly. He was worshipped and adored, all his films ran in Soviet cinemas, and "The Tramp" got three rounds of distribution in the USSR, which was unprecedented. In late Soviet times everyone knew who Raj Kapoor was. The mention of his name was enough for people to start smiling and humming "Awaara Mu" (meaning "I'm a tramp") – the main theme of the film 63 million people in the USSR watched.

And then we learnt the famous Indian filmmaker had a big family, and his brothers and children – Shashi, Shammi, Rishi and others – also directed films and starred in them, and we'd even seen them!

Randhir Kapoor, the classic's oldest son, was less known to the Soviet audience. However, 23 of several dozen films where he starred became box-office hits in India. Veterans of the Moscow Film Festival probably remember "Henna", which he directed and edited. It tackled the problems in the relationships between the Muslims and Hindu in a traditional Bollywood form. At the time, it seemed very exotic and far from the Soviet reality. Now Randhir Kapoor is the head of the company that his father had founded. But Raj Kapoor did more than just laying the foundation for a family film business. In his movies, he set up a frame of canons and regulations which has defined the development of Bollywood for the past 50 years. It has become the only cinema empire that can possibly defy Hollywood: the audiences in Southeast and Central Asia and Arab Middle East take to these films with a greater enthusiasm than to Californian works. It was of course Raj Kapoor who aroused this interest, but without constant supply and quick response to fast-changing demand keeping the audience's attention for such a long time would be impossible.

And this is obviously due to Randhir Kapoor, whom we are happy to welcome again in Moscow.

Sergey Lavrentyev

Жюри / Рандхир Капур

СТАРШИЙ СЫН

В середине семидесятых годов я ехал в поезде Москва – Свердловск. Двадцать пять с лишним часов прошли незаметно, потому что все дневное время (с тремя перерывами на поедание традиционных яичек вкрутую) бабушка-соседка по плацкартному вагону пересказывала содержание индийского фильма «Преданность». Картину я уже видел, но оторваться от рассказа было невозможно. С чувством, с толком, с расстановкой повествовала бабуля о любви и разлуке, материнских переживаниях и той самой преданности, что была вынесена в название картины. В этом эпизоде советской жизни не было ничего удивительного. Индийское кино в СССР было едва ли не главным народным развлечением. Американских фильмов почти не было, французские и итальянские дозировались и цензурно препарировались, а индийских было около десяти ежегодно. (Справедливости ради следует заметить, что болливудская продукция так же резалась и в эпоху дефицита цветной пленки тиражировалась на черно-белой, как вышеупомянутая «Преданность».) А началась эта всенародная любовь на рубеже пятидесятых-шестидесятых годов, когда

на советские экраны вышел «Бродяга». Сказать, что режиссера и исполнителя главной роли Раджа Капура в СССР любили, значит не сказать ничего. Его боготворили, ему поклонялись, почти все его ленты показывались на советских экранах, а «Бродяга» – невиданное дело! – приобретался для проката в СССР трижды. Никому не надо было объяснять, кто такой Радж Капур. Достаточно было произнести его имя – и лица озарялись улыбкой, и люди, даже не слышавшие ничего про язык хинди, принимались напевать «Авараму», что в переводе означало «Бродяга я» и являлось строчкой из главной песни фильма, который в Советском Союзе посмотрело 63 миллиона человек. А потом мы узнали, что у Самого Главного Индийца есть большая семья. Что его братья и дети тоже снимаются в кино, ставят фильмы. Многие из них мы даже видели. Брат Шаши, брат Шами, сын Риши...

Рандхира Капура, старшего сына классика, массовый советский зритель знал меньше, хотя из нескольких десятков картин, в которых он исполнил главные роли, двадцать три стали кассовыми хитами в Индии. А вот старожилы Московского фестиваля должны помнить его продюсерскую и

режиссерскую работу «Хена», в традиционной болливудской форме повествовавшую о сложностях отношений индусов и мусульман. Насколько нам это тогда казалось экзотичным и далеким от отечественных проблем!..
Ныне Рандхир Капур возглавляет фирму, основанную его великим отцом. Впрочем, Радж Капур заложил основы не только собственного семейного кинобизнеса. В своих лентах он создал свод канонов и уложений, по которым вот уже полвека стремительно и бурно развивается блистательный Болливуд – единственная региональная киноимперия, бросившая вызов Голливуду. Юго-Восточная и Средняя Азия, арабские страны Ближнего Востока – на всех этих гигантских территориях ленты, снимаемые в Бомбее смотрятся с большим воодушевлением, чем изделия калифорнийцев. В этом, несомненно, «повинен» Радж Капур. Однако без каждодневного «присмотра», без четкого реагирования на меняющиеся запросы зрителя удержать это внимание было бы невозможно. Вот в этом-то – очевидная и безусловная заслуга Рандхира Капура, которого мы с радостью и счастьем вновь приветствуем на московской земле.

Сергей Лаурентьев

МЫ ИЗ ДЖАЗА

КОНКУРС ЭКСЦЕНТРИКИ (EXCENTRYCY, CZYLI PO SLONECZNEJ STRONIE ULICY) / РЕЖ. ЯНУШ МАЕВСКИЙ

Эта картина про попытку красивой жизни примыкает к советской/российской традиции гораздо больше, чем к европейской. Как это, может быть, ни странно, учитывая фетишизм английской речи, ярко-красный «Роллс-ройс» и томный мотив «Серенады лунного света». И как это, может быть, ни дико (было бы) для самих героев, которые живут в соцлагере не так давно и не испытывают по этому поводу восторга. Новость о том, что СССР запустил в космос собаку, порождает лишь недоуменные ухмылки и шуточки в духе, что в следующий раз и надзирателя вместе с ней запустят... Традицию можно условно назвать «Джаз и борьба с ним». Даже проблемные образцы жанра, вроде «Птицы» Клинта Иствуда, в конечном счете не

имеют в виду сопротивление среды самой музыке. В советской же традиции даже залакированные «Веселые ребята» где-то за всей своей истеричной радостью бытия держат подтекст: джаз разрешили! Но ненадолго. Далее десятилетия ему предъявляли те же обвинения, что и в фильме Януша Маевского: все это чуждое, тлетворное; вопрос «С кем вы, мастера культуры?» всегда звучал громче тромбона и саксофонов. И отдельной традицией на это робкое «Мы из джаза» накладывается кино, посвященное оттепели, заметная часть образцов которого как раз о пробивании ростков разного «буржуазного» искусства сквозь соцреалистический асфальт. Герои Януша Маевского не знают никакой оттепели, и в этом смысле контраст с промытостью неба,

молодостью лиц etc фильмов на ту же тему и про тот же 1958-й очень заметен. Серые и пастельные тона преобладают в кадре, не разбавляемые даже пикантным «Роллс-ройсом», который Фабиан – тромбонист, меломан и военный эмигрант – привозит из Англии, покинутой ради родины – к всеобщему изумлению. Периодически знакомые начинают выпытывать у него, где же его патриотизм, почему он, условно говоря, не марширует в честь 1 мая, а услышав «Моя родина – музыка», обижаются, но никому не приходит в голову, что вернуться ради создания джаз-банды и было высшим актом патриотизма. В городке, по которому не очень понятно – 58-й это, или, там, 30-й год, – его окружают мрачные фигуры, и сестра одевается как старуха и ходит как старуха не только потому, что у нее открыли рак. А какая им может быть теплесть, если они только недавно окунулись во все прелести? – доносы соседей, проверку прописки... Фабиан только раз выдает раздражение, когда требует от польского офицера таможни помыть руки, прежде чем брать фунты стерлингов в виде взятки. Все остальное время он отрешенно талдычит, что джаз вне политики. Возможно, Маевский чуть иронизировал, когда назвал фильм «Эксцентрики», потому что даже Фабиан демонстрирует рыбий темперамент: если бы он и его банда еще и были эксцентриками, это было бы уже слишком для горкома. Модеста, его муза, тоже демонстрирует слишком неестественные, не органичные ей черты la femme fatal. Это видно всем, кроме Фабиана, и его донимают вопросом «Кто она такая на самом деле?», хотя все по обе стороны экрана примерно догадываются. В этом чувство меры этой картины. Это далеко не первый польский фильм на тему того, как спецслужбы опутывали достойных людей липкой паутиной, обкладывали ловушками. Но Януш Маевский, никого и ничего не называя прямо, смог спустить это на уровень подсознательного ощущения, движения, едва замеченного боковым зрением. Тем самым избежав плакатной плоскости и добавив достоверности. Ему, возглавившему польский союз кинематографистов в самые глухие годы военного положения, хорошо должно быть знакомо это чувство: осторожность.

Игорь Савельев

О ЛОШАДЯХ И ЛЮДЯХ

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

24 СНЕГА / РЕЖ. МИХАИЛ БАРИНИН

Сергей – якутский коневод, занимающийся своим ремеслом в одном из самых непригодных для этого мест на земле. Не просто в Заполярье, но и посреди леса, вдали от всех поселений. Там, где зимой температура может достигать 71 градуса ниже нуля. Из всех благ цивилизации у него – рация, да немного керосина в лампе. Старенький грузовик, на котором он два раза в год ездит в населенный пункт за продуктами. Дом, где его месяцами ждет семья («Когда я первый раз увидел сына, он впервые засмеялся, когда пришел во второй раз – он уже встал и пошел»). Несколько затерянных в лесах домиков – баз, где можно переждать непогоду. Пара помощников – из тех, что приехали на пару месяцев, больше не выдерживают. Оленья упряжка. И наконец главное, дело всей его жизни – табун лошадей. 24 снега, то есть 24 зимы – столько лет назад Сергей принял решение посвятить себя любимому делу. Раствориться в природе. Ну как решил, – старшие брат и сестра к тому времени

уже закончили школу и переехали в большие города. А маленького Сережу родители выдернули из-за парты со второго класса и отправили в лес. «Я с детства постоянно кого-то запрещал, один раз даже собственную собаку», – вспоминает Сергей. Глядя на его заразительную улыбку, понимаешь: решение родителей – одно. Но он и сам никогда бы не решил оставить любимый лес, весь этот таинственный мир, пронизанный обычаями его предков. В конце концов, пробовал же Сергей провернуть тот же финт с собственными детьми. Ничего не вышло. Один в армию ушел. Второй женился и переехал поближе к людям. Третья вот-вот поступила в университет. Остальные еще совсем маленькие, но надежды на них у самого Сергея не так много. В фильме показан год из кочевой и беспокойной жизни коневода. От большого снегопада и нечеловеческих морозов к короткому лету с национальным праздником, сопровождающимся азартными скачками. К летней же рыбалке на реке Лене. И

обратно к весне – то есть еще больше-му снегу. Удивляют не только пейзажи и фактурные, покрытые ледяной коркой шкуры животных, но и то, с каким артистизмом справляется с любыми трудностями главный герой. В одном из самых комичных эпизодов Сергей во время короткого поста дома принимается доить корову из соседнего двора. Сначала слишком торопится с выменем, потом и вовсе чуть не испортил весь удой, перепутав ведра

для переливания молока. Но при этом все это время, как заправский актер, отлично чувствуя, где в данный момент находится камера. И что нужно сказать или сделать, чтобы режиссер позже обязательно это взял в монтаж. Этот эффект усиливает точно подобранная музыка, в которой национальные мотивы переплетаются с по-настоящему роковым драйвом. Напрямую соответствия и самобытности, и универсальной природе дарования главного героя.

Никита Карцев

ЖИЗНЬ ДРУГИХ

ПРОГРАММА РОССИЙСКОГО КИНО

ЧУЖАЯ РАБОТА / РЕЖ. ДЕНИС ШАБАЕВ

– У вас фильм начинается с того, что герои объясняют сотрудникам ФМС, почему они хотят уехать в Россию. Вы начинали снимать с этого?

Денис Шабает: Действительно, я именно в ФМС героев и искал. Это представительство миграционной службы России в Душанбе, и там оказались очень хорошие, вменяемые люди. Я искал героя на этих «питчингах», не знаю, как назвать, потому что люди записываются туда за полгода, им дают буквально 3 – 4 минуты для того, чтобы они могли убедить сотрудника ФМС, зачем им нужно ехать в Россию. И вот они рассказывают, как они любят Россию не могут без России. Они выкладываются за эти 3 – 4 минуты максимально, это для них очень важный момент. Там я нашел Фаруха, хотя, честно говоря, следил еще и за другими «кандидатами» в герои, потому что Фаруха посадили в тюрьму и выпустили через полгода по амнистии к 9 мая, хотя срок был три года. Мне кажется, если бы его не отпустили – это было бы другое кино.

– В каком-то смысле то, что делает ФМС – это кино-пробы?

– Да, но на самом деле они собирают людей, которые могли бы адаптироваться в России, и стараются это делать по закону и действительно честно. И сами мигранты настроены на то, чтобы вести себя законно. Но все равно, как только они приезжают в Россию, сталкиваются с парадоксами: по закону они должны в течение недели оформить регистрацию. То есть они получают направление в чужой город, никого там не знают, и им нужно за неделю у кого-то прописаться. Никто же не пропишет к себе чужого человека из Средней Азии. Они сразу выпадают из рамок закона в

полукриминальную среду, кому-то дают взятки, кто-то им делает эти бумаги, и всё – они сразу в этой системе начинают существовать вне закона.

– В какой степени для вас этот фильм не только про таджиков, но и про русских?

– Мне хотелось попытаться увидеть нас их глазами. Мне кажется, это очень интересно.

– У вас была такая проблема, что вот вы видите, с какими трудностями сталкиваются ваши герои, и хочется помочь, найти, дать? Или вы эту «опцию» отключали и понимали, что вы не должны вмешиваться? По-человечески вы вмешивались в их судьбу или нет, и был ли такой импульс?

– Это сложный вопрос. Документалисты решают его всю жизнь. Стоит ли спасать героя? Честно говоря, до сих пор не могу для себя ответить точно. То есть, точно нужно снимать, но при этом нужно и помогать герою, потому что, если ты не поможешь в этой ситуации, то дальше у тебя просто останутся съемки, потому что если ты не поступишь по-человечески, герой тебя

больше не будет подпускать к себе. У меня был такой эпизод (он не вошел в фильм), когда отцу Фаруха защемило руки строительными лесами, было очень больно. И, честно говоря, не зная, как поступишь в этой ситуации. Я поступил следующим образом: отснял 6 или 7 секунд, потом бросился ему помогать. Но это как бы интуитивно получилось. Сложно сказать, как поступишь в другой, не столь экстренной ситуации. Не знаю.

– А вы продолжаете общаться со своими героями за пределами фильма?

– Да. Отношения сохранились, хотя... Я не знаю, правильно ли сохранять отношения с героями. Но по-человечески, мне кажется, правильно. В последний раз мы разговаривали неделю назад. Прямо сейчас у них сносят этот замечательный дом, который у них есть, «незаконное строение», и они выводят все, что от него остается, в чистое поле в Калужскую область. Там начнут строить новую жизнь. Им здорово достается... Но это уже разве что для нового кино.

Интервью вели Ася Колодижнер и Петр Шепотинник

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗЫ

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ (ZIEMIA OBIECANA) / РЕЖ. АНДЖЕЙ ВАЙДА

Сорок один год спустя – этот выдающийся фильм снова на экране Московского международного кинофестиваля. Отмеченная золотым призом 9-го ММКФ, «Земля обетованная» обошла экраны всего мира, номинировалась на «Оскар», продолжает жить и сейчас: кстати, новую редакцию польский классик, отметивший в этом году девяностолетие, сделал уже в XXI веке – перемонтировал некоторые сцены. «Живым» называет фильм и Войцех Пшоняк, сыгравший в нем одну из главных ролей. Зрителям 38-го Московского фестиваля он рассказал, что в Польше к нему и сегодня подходят на улице молодые люди, которые смотрят «Землю обетованную» и узнают его спустя столько лет.

Войцех Пшоняк приехал на нынешний фестиваль как исполнитель одной из ролей в конкурсном фильме («Эксцентрики») Януша Маевского). Конкурсант, также пришедший на показ шедевра Вайды, был упомянут Пшоняком как «режиссер, который тоже реконструирует старую эпоху», и это был не случайный поворот темы, потому что именно атмосфере была посвящена основная часть разговора актера со зрителями. Во-первых, атмосфере в широком смысле: «Часто бывает так, что уже с момента прочтения сценария чувствуется атмосфера того фильма, который создается. Мне повезло в жизни: несколько раз я принимал участие в съемках фильмов, когда понимал, что здесь и сейчас возникает что-то прекрасное. Спустя много лет мы говорили об этом с теми участниками съемок «Земли обетованной», кто сегодня жив, и все сходились в том, что каждый чувствовал: это будет нечто исключительное. Честно говоря, я хотел сейчас посмотреть начало и уйти, однако остался в зале, потому что меня снова захватила атмосфера фильма, в том числе

и атмосфера съемок: она сохранилась, она действует на зрителя».

В узком смысле «атмосфера» говорилось о старой Польше, о той Лодзи, которой, по словам Пшоняка, больше не существует. «Можно сказать, фильмом мы сохранили старую Лодзь, потому что фабричные машины, которые вы видите, работали с 1880-х, и в 1970-х еще вполне справлялись». Выступавшие зрители признавали, что, конечно, сегодняшние технологии позволяют воспроизвести все, что угодно (и по гетто в «Пианисте» Полански трудно сказать, что

это декорация), но то, что на экране все подлинное, действует особым образом. По словам Пшоняка, декорации задействованы лишь в одной маленькой сцене.

Однако это не единственный аргумент, позволивший артисту заявить, что «Земля обетованная» – феномен именно 70-х годов. «Возможно, этот фильм актуален, потому что показывает, как радикально происходили перемены в политической и экономической жизни Польши, когда наступал капитализм. Однако должен заметить, что в условиях сегодняшнего капитализма такой фильм не мог бы быть снят». Пан Пшоняк имел в виду явно не декорации и технологии. И это естественно, потому что «Земля обетованная» – не картинка с пряничными домиками, а по-прежнему острое и полемичное высказывание.

Игорь Савельев

КАННИБАЛЫ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЭЙФОРΙΑ: МЕЖДУ РАЕМ И АДОМ

В ТИХОМ ОМУТЕ (MA LOUTE) / РЕЖ. БРЮНО ДЮМОН

Смотря то или иное французское кино, не пропустите в титрах почти обязательное упоминание региона или департамента. Едва ли не каждый французский фильм получает часть своего финансирования из местного бюджета, и таким образом вся Франция оказывается отображена на кинематографической карте – от Бретани до Аквитании и от Эльзаса до Прованса. Но

не так уж часто «гений места» используется не просто как добавка к бюджету фильма, а как заправка его атмосферы и художественной концепции.

Действие картины «В тихом омуте» разворачивается в Нормандии. Большинство своих прежних фильмов Брюно Дюмон прописал в родном городе Байоле и историческом регионе Фландрия; неподалеку, в том же департаменте Нор

– Па-де-Кале, разыгрывается и действие комедийно-детективного минисериала «Малыш Кенкен». Ранние фильмы режиссера «Жизнь Иисуса», «Человечность», «Фландрия», поставленные, в основном, с непрофессиональными исполнителями-натурщиками, гиперреалистичны, в них много мрачного сенса и хмурых пейзажей северной Франции. «В тихом омуте» – более солнечное, «дачное» кино, освещенное искрами юмора: можно сказать, что это костюмная версия «Малыша Кенкена». Пара полицейских инспекторов в духе Лаурела и Харди, словно забредших из слэпстика, занята поиском без вести пропавших дачников. Хотя слепому видно, где засели преступники: это семейка звероподобных аборигенов Брюфоров, для отвода глаз промышляющих сбором мидий и переправой желающих во время прилива (иногда хрупких дамочек и джентльменов просто берут в охапку и переносят через воду). Чтобы было до конца понятно, Брюфоры – каннибалы и почти не скрывают этого. А по соседству с ними в псевдоегипетском доме съезжается на лето семейка богатых вырожденцев Ван Петегемов, словно созданных для того, чтобы быть съеденными и переваренными в желудках простолудинов. Взаимное влечение морально разложившегося правящего класса и изначально аморального народа находит свою кульминацию в

интрижке, которую заводит похожий на болотную крысу каннибальский сынок с тинейджером плавающего пола – продуктом инцеста в декадентской семье. Не факт, оказалась ли бы жизнеспособной эта причудливая, несколько тяжеловатая конструкция, если бы Дюмон не нашел для нее наполненную воздухом природную среду. Фильм снят на берегу бухты Сан-Мишель с ее зубчатыми песками, мистическими приливами и отливами. На этом фоне обретают свою органику и сумасшедшие жанровые перепады, и вкрапления самого безбашенного гротеска. Именно в таком ключе работают пригласенные режиссером национальные звезды – Фабрис Лукини, Валерия Бруни-Тедески и полностью уходящая в отрыв Жюльет Бинош. А ведь еще недавно Дюмон клялся, что не может себе позволить взять исполнительней, изъясняющихся даже за пятьдесят километров от места съемок, потому что у них, видите ли, не тот акцент. Зато Дидье Деспрес, играющий полицейского инспектора-колобка, то и дело теряющего равновесие и скатывающегося с дюны, изъясняется на таком локальном диалекте, что французам без субтитров его просто-напросто не понять. Остается подождать очередного проекта Дюмона – мюзикла о Жанне д'Арк! – где он намерен смешать профессионалов и местных натурщиков из Нор – Па-де-Кале.

Елена Плахова

КОРОЛЬ ГОВОРИТ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗЫ

КОРОЛЕВА (THE QUEEN) / РЕЖ. СТИВЕН ФРИРЗ

С одной стороны, мастер-класс Стивена Фрирза на 38 Московском фестивале превратился в обсуждение «Королевы», самой известной его работы: программный директор ММКФ Кирилл Разлогов во вступительном слове увязал фестивальный показ с 90-летием заглавной героини, да и то, что картина вышла на экраны десять лет назад, не уменьшило пыл московских зрителей, имевших к режиссеру миллион вопросов. С другой стороны, тема фильма позволила собеседникам легко отойти от смерти Дианы к текущим новостям, например – к возможному выходу Великобритании из Евросоюза. Референдум пришел только что, и эмоции были свежи – как у зрителей, так и у режиссера. Сначала он пытался отшутиться. «Ваша первая реакция на новость о референдуме?» – «Вы и сами видите: я сразу прилетел в Москву. Я думаю, очень многие соотечественники сейчас завидуют мне». Далее Фрирзу пришлось говорить серьезнее, в том числе и в ключе, связанном с кинопроизводством (многие британские фильмы финансируются французскими продюсерами, и если геополитика повлияет на эту схему, «это будет катастрофа»). Наконец, события были привязаны к одной из тем «Королевы», а именно – к шаткому положению британской монархии на рубеже веков. Противников монархии, которые ожидаемо нашлись в зале

(кстати, это были гости из Дании, имеющей свою королеву), Фрирз осадил тем, что высмеял альтернативу в виде прямой власти народа: «Последние несколько суток показали, что народ безумен в своих решениях... Никто не ожидал, что дело дойдет до такого конца. Действительно, Елизавета на фоне этого решения потеряет часть Соединенного королевства» Сочувствие, симпатия к королеве или отрицание ее образа – та диалектическая проблема, ореол которой сопровождает и фильм 2006 года, и Фрирза как художника, и, видимо, всю британскую интеллигенцию. Только что режиссер то ли в шутку, то ли всерьез убеждал московских зрителей, что «если благодаря моему фильму вы полюбили королеву, тогда я совершенно провалился», но вот уже прибавил совершенно серьезно: «Нужно провести границу между королевой и ее семьей. Конституционная (да и любая) монархия – как мне кажется, это неправильно, но королева для нас как мать». И после этих слов зал зааплодировал. Собственно, сам фильм даже отошел на второй план в дискуссиях о диовинном для русского зрителя институте монархии (хотя Стивен Фрирз язвительно парировал, что россиянам-то как раз нечему удивляться). Кажется, режиссер даже эпатировал публику, когда прерывал потоки восхищенных слов («А какой важный образ роскошного

оленя!..») репликами вроде: «Если вы увидите оленя с разветвлением рогов более 40, то это значит, что олень немолод. И королева тоже была немолода. Это то, что их объединяет». Кажется, Фрирз не был настроен говорить серьезно, и когда его спрашивали, например, о том, как шла совместная с Хелен Миррен работа над образом, отвечал: «Мы с Хелен знакомы с королевой лет 60. Ты встречаешь ее каждый раз, когда облизываешь марку. Какая уж тут работа над образом». Кстати, именно этот ответ, в ряду других прибауток («Я точно знаю, что Тони Блэр соврал, что не смотрел фильм. Но мы уже знаем, что он часто говорил неправду»), подтверждает впечатление, что Стивен Фрирз – человек закрытый, художник, не готовый впустить зрителя в свою творческую мастерскую. Маска балагура очень ему в этом помогает. Надо быть готовым к английскому юмору, чтобы понять, когда Фрирз шутит (называя «Королеву» своим вариантом «Ивана Грозного» Эйзенштейна), а когда говорит серьезно. Например, его восхитил вопрос из зала: «Неужели не надо было получать разрешение снимать фильм о действующей королеве?». Когда через минуту его спросили, «какова реакция русского зрителя на ваш фильм», он ответил: «Вы только что слышали эту реакцию».

Игорь Савельев

БЕДА

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

ВЫ УЙДЕТЕ, Я ОСТАНУСЬ! (VI IDITE, JA NESCU!) / РЕЖ. ХАДЖИ-АЛЕКСАНДР ДЖУРОВИЧ

Режиссер Хаджи-Александр Джурович поднимает одну из самых больших политических проблем Европы за последние 15 лет: это война на Балканах и самопровозглашенная независимость Косово. Но из всего запутанного клубка кровавых противоречий выбирает только одну тему – захват албанским населением традиционных христианских святынь. «Вы уйдете, я останусь» – односторонний рассказ о тех бедах, которые испытало православное духовенство Сербии за время конфликта. Что неудивительно – фильм напрямую основан на «Хрониках нового косовского распятия» за авторством митрополита Черногорского Амфилохия. У подобной однозначной позиции автора есть как очевидные минусы, так и плюсы. С одной стороны, это возможность дать обстоятельно высказаться одной из сторон конфликта. И к чести опрошенных священников и епископов, они этой возможностью воспользовались максимально корректно и убедительно. Опираясь в своих доводах не столько на описание ужасов пережитой войны (хотя без жутких кадров с истерзанными священнослужителями не обошлось), сколько на историю Косова и Метохии. Перечисляя то внушительное количество христианских святынь, которые расположены на этих землях. С другой стороны, подобная подача оставляет за скобками слишком много деталей, которые привели в 1990-е к массовым кровопролитиям и не закончившемуся по сей день сложнейшему геополитическому кризису. По-настоящему кино начинается ближе к концу. Когда в воспоминаниях сербского духовенства, служащего в христианских храмах, оказавшихся вдруг на территории преимущественно албанского Косово, промелькнет некто Милош. Обычный лесник и охотник, выходец из этих мест, он с детства увлекался национальными сербскими инструментами. Читал память предков, водил ровесников и тех, что помладше, на службу в храмы. Обладал заразительной улыбкой и умением выхаживать животных. В 1999, уже после окончания спецоперации миссии ООН, Милош оказался среди тех, кто наотрез отказался оставить родной дом и уехать в Сербию. За что и поплатился жизнью. И хотя истории Милоша тоже недостаточно, чтобы до конца выразить всю глубину и драматичность Балканского конфликта, в его жесте (то самое – «вы уйдете, а я останусь») оказывается куда больше правды, чем в архивных кадрах из теленовостей, речей политиков и долгих рассказов священников.

Никита Карцев

АНМАД ТЕА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Московский
международный
кино
фестиваль
23.06 – 30.06.2016

THE ECCENTRICS. ON THE SUNNY SIDE OF THE STREET / EXCENTRYCY, CZYLI PO SŁONECZNEJ STRONIE ULICY

COMPETITION

DIR. JANUSZ MAJEWSKI

Janusz Majewski's feature about the striving for a glamorous life seems to be much closer to Soviet/ Russian film tradition than to European one – in spite of the dominance of English speech, the bloody red Rolls-Royce, the heart-felt refrain of "Moonlight Serenade", and the resentment the characters, who aren't exactly excited about living in the realm of a socialist country, would feel. The news of the USSR succeeding in sending a dog into space, provoke nothing but jokes along the lines of: who are they going to send next – a jail warden?.. This tradition can be formally referred to as "jazz and the ongoing battle against it". Even unorthodox examples of this tradition, such as Clint Eastwood's "Bird", at the end of the day don't really imply the society's antagonism towards the music itself. The Soviet tradition is different though; even super-polished "Jolly Fellows", under all its excessive jolliness, sports a certain subtext: jazz is finally allowed! Not for long though... In the years to come jazz would still get constantly accused of the same "sins" as in Janusz Majewski's – "being alien and harmful by default". The classic rhetoric of "whose side are you on?" always sounded louder than trombones and saxophones. Another part of this tradition is the cinema of the Thaw, the best examples of which are dedicated precisely to the sudden blooming of the "bourgeois" art through the social realistic pavement.

The characters of "The Eccentrics" don't experience the Thaw, which makes the contrast between Majewski's film and other movies covering similar topic or the very same year of 1958, abundantly clear. Grey and pastel colors prevail in the visuals here, and the situation cannot be changed by just one dandy Rolls-Royce that Fabian – a trombone player, music lover and war emigrant – brings back from England, where he had previously left for from his homeland. People around are constantly inquiring where the hell Fabian's patriotism is and why he isn't willing to march in the International Workers' Day parade, and get upset with the response "My music is my homeland", failing to realise that coming back home to create a jazz-band was Fabian's most genuine act of patriotism. In the town which looks like it could be both 1958, or 1930, he's surrounded by gloomy people, and Fabian's sister doesn't only dress and walk like an old woman because she has recently discovered she has cancer. And what kind of a "thaw" can they expect, realistically, if the "best" part of the Soviet reality, like being reported to the police by neighbors, or government control over residence permit, had just begun?..

Fabian only gives in to his temper once – when he demands the Polish customs officer to wash his hands before receiving a certain sum of pounds as a bribe. Most of the remaining time he spends dully harping on his idea that jazz should remain out of

politics. And it seems like Majewski was being ironic in titling his film "The Eccentrics" – even the most unorthodox among his friends Fabian is pretty laid back. Modesta, his muse, also seems a bit unnatural with her exaggerated femme-fatale attitude, which is pretty obvious for everyone except Fabian, as he is constantly met with the question – who this girl really is? – even though, the answer also comes off as pretty obvious for both the characters, and the audience.

And this is where the unique common sense of the authors comes in – as this is not at all the first film telling the story about secret services corrupting decent people and tricking them straight into their traps. Majewski though, manages to make this plot less formal, but more elegant and graceful, which also helps the story to be plausible and relatable. After all, this is the man who headed the Filmmakers Union in Poland in the roughest years of martial law in the country – discretion is a quality that should be expected of him.

Igor Savelyev

24 SNOW

DOCUMENTARY COMPETITION

DIR. MIKHAIL BARYNIN

Sergey is a Yakut horse breeder in one of the least suitable for this occupation areas on Earth. As if living in the Arctic circle wouldn't be enough, he chose a place right in the middle of a forest. Winter temperature here can reach -71 degrees Centigrade below zero. The modern conveniences he has access to are very limited: a radio and some kerosene in his lamp; an old truck he drives twice a year his old truck to the nearest settlement to get food; a house where his family is waiting for him for months ("First time I saw my son, he laughed for the first time; the next time I saw him he was already walking"). Several huts buried in the heart of the forest huts where he can wait out a storm. A deer sleigh – and his life-time commitment: a herd of horses.

24 snows – that is, 24 winters ago, Sergey immersed in nature and devoted himself completely to the job he loves. Strictly speaking, it wasn't his conscious decision: his older brother and sister had finished school by that time and moved to big cities. So his parents took him out of his second school year and sent him to the forest.

"Even as a child, I was constantly harnessing animals, once I even harnessed my dog". His smile is so sincere that it leaves no doubt: it wasn't his parents' decision that led him to this life. He himself would never leave his dear forest, this mysterious world that still remembers the rites and traditions of his ancestors. After all, Sergey did try to do the same thing to his own kids, but to no avail: one son conscripted to the army, another got married and moved closer to the civilization, his daughter is preparing to enter a university, and although other kids are still quite small, Sergey doesn't have much hope about them.

The film depicts one year from the horse breeder's nomadic life: from thick snowfalls and extreme temperatures, through a short summer with occasional highlights like fishing on Lena river or a national holiday with races, to a spring that will bring even more snow.

Landscapes in the movie are indeed breathtaking, animal skins covered with a thick layer of ice are curious to look at, yet what is truly fascinating is Sergey's unexpected artistic talent. In one of the funniest episodes, during his short stay at home he

starts milking his neighbour's cow. At first he's too hasty and then almost spoils the entire yield when he confuses the buckets for milk. But despite the fuss he behaves like a true actor, feels very natural in front of the camera and seems to have a clear idea what to do and say to make the frame irresistible for an editor.

This is accompanied by well-chosen soundtrack, where folk motives meet rock-n-roll drive – which reflects perfectly the main character's unique and at the same time universal talent.

Nikita Kartsev

THE PROMISED LAND / ZIEMIA OBIECANA

SPECIAL SCREENINGS

DIR. ANDRZEJ WAJDA

Awarded the Golden Prize at the 9th Moscow Film Festival, "The Promised Land" has returned to its screen 41 years later. Since then, this outstanding film has been shown all around the world, got nominated for Academy Award, and has continued its triumphant march to this day. In the 21st century the Polish director, who has turned 90 this year, has made a new version of the movie, re-editing some scenes. Wojciech Pszoniak, who played one of the leading roles in the movie, also says the film hasn't lost its popularity: he told the audience that in Poland, young people still watch it and recognize him. Wojciech Pszoniak has come to this festival to represent one of the competition films – Janusz Majewski's "The Eccentrics. On the Sunny Side of the Street", where he starred. He said the director, also present at the screening of Wajda's masterpiece, "re-creates the time gone by too"; the Q&A session mainly revolved around the atmosphere of "The Promised Land".

First – the atmosphere of the film itself and the environment on set. "It often happens that you can feel the atmosphere of the future movie as you read the script. I was lucky: several times during the shoot I could realize something great and significant was being created right in front of my eyes. Many years later we talked about it with the remaining members of "The Promised Land", and everyone agreed they had anticipated something great then. To be honest, at first I just wanted to watch the beginning and leave, but eventually stayed, because the atmosphere of the film and the shooting captivated me. It hasn't lost its power and still affects the audience", Pszoniak said.

Second – the atmosphere of old Poland, that Łódź which, according to Pszoniak, doesn't exist anymore. "I think it's possible to say this film preserved the image of old Łódź, because the factory mechanisms in the film had been operating since 1880's, and in 1970's, as you can see, were still performing their function pretty well. And although modern technologies allow to create on screen basically anything (so that, for example, you'd never suspect the ghetto in Polanski's "The Pianist" was shot in a studio), the audience admitted that the fact everything shown in the film was real produces a unique effect. According to Pszoniak, the set was used in only one scene.

However, this was not the only argument which enabled the filmmaker to call "The Promised Land" a phenomenon of the 1970s exclusively. "Perhaps

this film is still relevant because it shows how radical the changes in Poland's political and social life were at the advent of capitalism. However, I have to say such film won't be possible in the modern capitalist world." he said. Naturally Mr Pszoniak didn't mean set design or technology, as "The Promised Land" is not an idyllic picture but a poignant statement that has remained relevant to this day

Igor Savelyev

THE QUEEN

SPECIAL SCREENINGS

DIR. STEPHEN FREARS

On the one hand, Stephen Frears' master-class at the 38 MIFF curiously turned into the discussion of "The Queen" – probably the most famous of Frears' works, the festival screening of which Kirill Razlogov, the MIFF program director, tied in his opening statement to the 90th anniversary of the titular character (notably, the fact that the film was first released ten years ago, didn't reduce people's interest for it, so they showered the director with questions). On the other hand, the film's plot allowed Frears and his audience to drop the topic of the tragic death of Princess Diana in 1997, and switch to the more pressing questions – most importantly, to discussing Brexit, since the referendum had just happened, and both the director and the people in the audience had a lot of say about it.

At first, Frears tried to pass it as a joke. "What was your initial reaction to the referendum?" – "Well, you can see for yourself that I flew to Moscow immediately. I think a lot of my fellow countrymen are now quite jealous of me". But further on, Frears talked on a more serious note, among other things, about the effect these events might have on film industry, as many of British films are being financed by French producers, and if geopolitics were to affect this system, it would lead to an utter disaster. Also, the recent events are tied greatly to one of the major themes in "The Queen" – i.e. the precarious position of the British monarchy at the turn of century. Surely enough, there turned out to be monarchy opponents present in the audience (ironically, they came from Denmark – the country that has a queen of their own), but Frears scored them off by making fun of the alternative in the form of direct authority of the people: "The last few days demonstrated that the people can be mad in their decision... No one expected an ending result like this one. It is true, though, that as the result of this decision the Queen is very likely to lose a part of the UK". The sympathy for the Queen or denouncing of her image is precisely the dilemma that has been closely tied to the film ever since 2006 – as well as Frears himself, and probably all British intellectuals. One moment Frears is trying (seemingly joking) to convince the Muscovites that if they came to like the British Queen courtesy of his movie, he feels as if he totally failed. The next thing you know – he is absolutely serious and saying: "We need to distinguish the line between the Queen and her family. Constitutional – or any other form of – monarchy is not right in my opinion, but we still see the Queen as a sort of our adoptive mother" – getting a round of applause from the audience.

Basically, the film got outshadowed by the discussion of the prospects of monarchy, even though Frears made a sarcastic remark stating that Russian people shouldn't really be that astonished by the existence of such "outdated" concept. It

looked as if the director was trolling the audience to a certain extent, as, for example, he interrupted the compliments – "That wonderful image of a deer is very important for the understanding of the film!" – by cool, laid-back responses: "If you see a deer with more than 40 antlers, it means it's quite elderly. The queen was elderly too. This is what they have in common". Apparently Frears wasn't inclined to be serious. For example, in response to the question about his collaboration with Helen Mirren on her character, he said, "Helen and I have known the Queen for 60 years at least. You meet her every day as you lick a stamp. Why on earth would we need to work more on her character?" However, this response, as well as other jokes ("I know for sure Tony Blair lied when he said he hadn't watched the film. But we are well aware he often said things that weren't true"), prove right the impression that Frears is quite reserved and the kind of an artist who is not ready to let the audience in his creative workshop). And the mask of a jester comes in very handy. One should be familiar with English humor to tell when Frears is joking (like calling "The Queen" his version of Eisenstein's "Ivan the Terrible") and when he's serious. He was delighted by the question "Did you need a permission to film the Queen?" And when a minute later he was asked how the Russian audience reacted to his film, he replied: "You've just heard their reaction".

Igor Savelyev

YOU LEAVE, I'LL STAY! / VI IDITE, JA NECU!

DOCUMENTARY COMPETITION

DIR. HADZI-ALEKSANDAR DJUROVIC

Hadži-Aleksandar Đurovič tackles one of the most sensible political issues in Europe of the last 15 years: the Balkan Wars and Kosovo self-proclaimed independence. The topic he singles out from a bloody tangle of contradictions is the Albanian takeover of Christian temples. "You Leave, I'll Stay!" is a one-sided depiction of the trials and tribulations Serbian orthodox clergy went through during the conflict. This comes as no surprise, as the film is based on "The Chronicles of the New Kosovo Crucifixion" by Metropolitan Amfilohije of Montenegro. Such one-sided position has obvious advantages as well as inevitable shortcomings. On the one hand, it gives one side of the conflict an opportunity to present their part of the story. To give credit where credit is due, all of the interviewed priests were very correct and convincing. They based their stories on the history of Kosovo and Metohija rather than vivid descriptions on the atrocities of the war (although a few frames of mutilated priests did make its way to the screen), and listed multiple Christian shrines on these lands. On the other side, such approach means leaving out too many details that resulted in bloody conflicts in the 1990s and a grave geopolitical crisis that hasn't been overcome to this day. The key story, however, unfolds in the second half of the film, when Serbian clergy from Christian temples which suddenly became part of mostly Albanian Kosovo mention a person called Miloš. A simple hunter and gamekeeper, he'd been

interested in Serbian national instruments since childhood. Respectful of his ancestors' memory, he would bring his peers and younger children to church for services. He had a charming smile and a gift to cure animals. In 1999, when the UN mission's special operation was over, Miloš refused to leave his home and move to Serbia. This decision cost him his life.

Although even Miloš's story is not enough to express all the cruelty and terror of the Balkan crisis, his decision – "You leave, I'll stay" – is much more telling than archive news footage, politicians' speeches and priests' long tales.

Nikita Kartsev

GREATER THINGS

8 1/2 FILMS

DIR. VAHID HAKIMZADEH

Vahid Hakimzadeh's debut left quite a resonant echo. It's an "independent film" in its original, almost forgotten sense. It instantly evokes true cinematic magic, which alone can see the miraculous in everyday routine. The audience of "Greater Things" are all lost and charmed travelers, just like the characters. The former move through smooth mesmerizing frames while the latter plunge through globalist time-space. People of mixed and barely identifiable national and cultural background find themselves in Tokyo (representing any modern metropolitan city). Failed communication due to the language barrier for a long time has been the only thing the residents seem to share. The director studies this postglobalist world as if it was outer space, where stepping out of your bubble and meeting with other people resembles attraction and repulsion of molecules.

A respectable Japanese couple (she is a designer, he is an artist) live in a cubic glass house and are going through a relationship crisis – as stylish as their futuristic residence. A Lithuanian mixed-wrestling champion works in Japan on contract and is a something like a local sightseeing because of his height and strength. A young architect has come to Tokyo with no clear purpose and in search of shelter is now navigating its streets, alleys, stores and more extravagant locations, for example, a psychological help centre where cute cats assist in restoring the local residents' mental stability.

"Greater Things" is a minimalistic and very tangible depiction of feelings typical for any migrant, or maybe any person in the modern world. The characters are homeless, they're losing their roots, they feel homesick in the absence of any real home, they move from place to place and can't identify themselves fully with anything anymore. Vahid Hakimzadeh achieves this effect not only through his inherent sense of rhythm and frame but also by using subtle humour and a rare talent to notice how absurd life can get sometimes. This is why his meditative film is far from being boring, as opposed to many other abstract slow films that have become a common thing at world festivals. "Greater Things" have a very different background. If they resemble anything at all, that must be Jacques Tati's absurd stories, or, to even greater extent, Jarmusch's early works, whose characters also sparkled with inimitable vitality and otherworldliness.

Evgeny Gusyatiniski

EISENBERG

PARIS

EISENBERG Paris – косметический и парфюмерный бренд, представляющий продукцию в сегменте «люкс». Основан Жозе Айзенбергом в 2000 году. Фундаментальной основой **EISENBERG Paris** является революционная запатентованная Формула Trio-Moléculaire®, которая входит в состав всех косметических продуктов бренда.

В 2001 году компания запустила свою первую линию по уходу за кожей, в основе которой лежит Формула Trio-Moléculaire®. Уникальная запатентованная формула содержит три природных молекулы, которые, работая одновременно, восстанавливают кожу, заряжают ее энергией и насыщают кислородом.

Жозе Айзенберг, основатель **EISENBERG Paris** – единственный автор каждого аромата роскошной коллекции L'Art du Parfum.

Чувственный мир ароматов стал естественным продолжением его любви к красоте.

Первый и культовый аромат «J'OSE» (в переводе с французского «Я смею») был выпущен в 2002.

В 2011 Жозе выпустил роскошную коллекцию ароматов L'Art Du Parfum – первый в мире революционный концепт, объединивший высокое Искусство и Парфюмерию. Известный бразильский художник Хуарес Мачадо стал тем, кто

воплотил в картинах философию ароматов Жозе Айзенберга, создав для каждого из парфюмов отдельную картину.

Коллекция L'Art du Parfum состоит из 10 женских и 5 мужских арома-

тов, каждый из которых обладает сильным характером и уникальной историей создания.

EISENBERG Paris эксклюзивно представлен в сети магазинов Л'Этуаль и в интернет-магазине letu.ru.

EISENBERG Paris is a luxury skin-care, fragrance and make-up brand founded by José Eisenberg in 2000.

The company is known for the use of the Trio-Molecular Formula in its skin care products, and for its L'Art du Parfum concept. The Trio-Molecular Formula is a patented technology discovered and developed by the founder. This formula contains three molecules existing in nature which can help regenerate, energise and oxygenate the skin.

José Eisenberg is the sole creator of his fragrance of his luxury and unique collection. Because he has always been in love with Beauty, perfumes are naturally an integral part of his sensory world. The first perfume «J'OSE» (which means «I dare» in French) was launched in 2002.

L'Art du Parfum is the first unique concept in the world which links Art and Perfume. It was launched in 2011. Juarez Machado, famous Brazilian artist, became the one who could visualise the philosophy of Jose Eisenberg's fragrances. Guided by Jose Eisenberg step by step, Machado created paintings for L'Art du Parfum line. L'Art du Parfum consists of 10 women and 5 men fragrances, and every fragrance has its own unique character and story of creation.

EISENBERG Paris is exclusively represented in L'etoile stores and on letu.ru.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

1. Кирилл Серебренников
2. Съёмочная группа фильма «Современный проект»
3. Владимир Хотиненко
4. Реза Мирнарими
5. Давид Гриeko и Массимо Раньери
6. Сабина Еремеева

27 ИЮНЯ / JUNE, 27

12:00	БРАТЯ / BRÖDRE	ОКТАБРЬ, 2
12:15	ПОЮЩИЕ БАШМАКИ / PEESHTITE OBUVKI	ОКТАБРЬ, 1
13:30	ДОН ЧЖУ. ПОРТРЕТ ПОЭТА / DONGJU	ОКТАБРЬ, 6
14:15	КОНКУРС КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ / short film competition	ОКТАБРЬ, 5
14:15	СОНИТА / SONITA	ОКТАБРЬ, 2
17:30	ЗВОНОК / THE CALL	ОКТАБРЬ, 5
14:30	КРАСНЫЙ ГАОЛЯН / HÓNG GÁOLIÁNG	ОКТАБРЬ, 4
14:30	ХУДШАЯ ИЗ ЖЕНЩИН / CHOE-AG-UI YEO-JA	ОКТАБРЬ, 7
15:00	24 СНЕГА / 24 SNEGA	ЦДК, 1
15:15	ЭКСЦЕНТРИКИ / EXCENTRYCY, CZYLI PO SLONECZNEJ STRONIE ULICY	ОКТАБРЬ, 1
15:15	ГЛАЗА БЕЗ ЛИЦА / LES YEUX SANS VISAGE	ОКТАБРЬ, 8
16:00	КОБАХИДЗЕ / Kobahidze	ОКТАБРЬ, 9
16:00	НАДЕЖДА / SO-WON	ОКТАБРЬ, 6
16:00	СОБЛАЗН / SÓRKI DANCINGU	ОКТАБРЬ, 11
16:15	МОНГОЛЬСКАЯ ЖАННА Д'АРК / JOHANNA D'ARC OF MONGOLIA	ОКТАБРЬ, 10
16:30	СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО / A FAMILY AFFAIR	ОКТАБРЬ, 2
16:45	БОЛЬШИНСТВО ОБИТАЮЩИХ ЗДЕСЬ ДУШ / AZ ITT ÉLŐ LÉLKEK NAGY RÉSZÉ	ОКТАБРЬ, 4
16:45	РАЗВЛЕЧЕНИЕ / ENTERTAINMENT	ОКТАБРЬ, 7
17:00	ФОМА ГОРДЕЕВ / FOMA GORDEEV	ТГ, 1
17:00	ГОСПОЖА Б. ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ ИЗ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ / MADAME B., HISTOIRE D'UNE NORD-CORÉENNE	ЦДК, 1
17:30	РАЙ НА ЗЕМЛЕ / JANNAT ALA'ARD	ОКТАБРЬ, 5
17:30	ХЕДИ / INNEVEK NEDI	ОКТАБРЬ, 5
17:30	ТИБЕТСКАЯ ПЕСНЯ ЛЮБВИ / KANG DING QING GE	ОКТАБРЬ, 8
18:30	ЦЕНТР МОЕГО МИРА / DIE MITTE DER WELT	ОКТАБРЬ, 11
18:45	РОССИЙСКОЕ КИНО. ГОД И ВЕК / Russian cinema, year and century	ОКТАБРЬ, 9
19:00	КОНЕЦ / THE END	ОКТАБРЬ, 1
19:00	ВЫ УЙДЕТЕ, Я ОСТАНУСЬ! / VI IDITE, JA NESU!	ОКТАБРЬ, 2
19:00	БРАТЯ / BRACIA	ЦДК, 1
19:00	ТЕНЬ ШАМИССО / CHAMISSOS SCHATTEN	ОКТАБРЬ, 6
19:15	РОССИЙСКОЕ КИНО. ГОД И ВЕК / Russian cinema, year and century	ТГ, 1
19:30	ФРАНЦУЗСКИЙ КАНКАН / FRENCH CANCAN	МОСКВА, 9
19:30	НАША НАТАША / NASHA NATASHA	ОКТАБРЬ, 4
19:45	ОТЕЛЬ «ПРОБЛЕМСКИ» / PROBLEMSKI HOTEL	ОКТАБРЬ, 10
20:45	ДОРОГА К МАТЕРИ / ANAŪA APARAR JOL	ОКТАБРЬ, 8
21:00	КОЗНИ / LA MACCHINAZIONE	ОКТАБРЬ, 11
21:00	УГОЛОК КОРОТКОГО МЕТРА / SHORT FILM CORNER	ОКТАБРЬ, 5
21:30	ЭВА НЕ СПИТ / EVA NO DUERME	МОСКВА, 9
21:45	ОХОТНИКИ ЗА ПРИВИДЕНИЯМИ / GHOST BUSTERS	ПИОНЕР (СОКОЛЬНИКИ), 1
21:45	11 МИНУТ / 11 MINUTES	ПИОНЕР (ПАРК ГОРЬКОГО), 1
22:00	ГЕНИЙ / GENIUS	ОКТАБРЬ, 1
22:15	ЗАВТРА / DEMAIN	ОКТАБРЬ, 2
22:15	МАМА И ДРУГИЕ СУМАСШЕДШИЕ РОДСТВЕННИКИ / ANYÁM ÉS MÁS FÜTÖBOLONDOK A CSALÁDBÓL	ОКТАБРЬ, 10
22:30	ТИККУН / TIKKUN	ОКТАБРЬ, 7
22:30	ПУТЕШЕСТВИЕ С ОТЦОМ / NEULICH DIE REISE MIT VATER	ОКТАБРЬ, 4
22:45	СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ / JEUL-GEO-WOON IN-SAENG	ОКТАБРЬ, 9
23:00	ХЕЛЬМУТ БЕРГЕР, АКТЕР / HELMUT BERGER, ACTOR	ОКТАБРЬ, 6
23:59	В ОДИНОЧЕСТВЕ / ASSOLO	ОКТАБРЬ, 8

28 ИЮНЯ / JUNE, 28

12:30	СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО / A FAMILY AFFAIR	ОКТАБРЬ, 2
13:00	РАЗГРОМ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ / RAZGROM NEMETSKIKH VOYSK POD MOSKVOY	ОКТАБРЬ, 5
13:45	ДАЛЕКАЯ ГОРА ТЯНЬСЮН / YAO YUAN DE TIAN XIONG SHAN	ОКТАБРЬ, 8
13:45	ПУТЕШЕСТВИЕ С ОТЦОМ / NEULICH DIE REISE MIT VATER	ОКТАБРЬ, 6
14:30	ИЕРОНИМ БОСК: ВДОХНОВЛЕННЫЙ ДЬЯВОЛОМ / JHERONIMUS BOSCH, GERAAKT DOOR DE DUIVEL	ОКТАБРЬ, 4
14:30	СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЕКТ / DET MODERNA PROJEKTET	ОКТАБРЬ, 7
14:30	РОКОВАЯ КРАСОТА / ZKÁZA KRÁSOU	ЦДК, 1
14:45	КОНКУРС КОРОТКОМЕТРАЖНЫХ ФИЛЬМОВ / SHORT FILM COMPETITION	ОКТАБРЬ, 5
15:00	СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ / JEUL-GEO-WOON IN-SAENG	ОКТАБРЬ, 9
15:15	ДНЕВНИК МАШИНИСТА / DNEVNIK MAŠINOVODE	ОКТАБРЬ, 1
16:00	ДЯДЮШКИ-ГАНГСТЕРЫ / LES TONTONS FLINGUEURS	ОКТАБРЬ, 8
16:30	ДВАДЦАТЬ ДВЕ / TWENTY TWO	ЦДК, 1
16:30	ЭКСЦЕНТРИКИ / EXCENTRYCY, CZYLI PO SLONECZNEJ STRONIE ULICY	ОКТАБРЬ, 11
16:30	ТЕНЬ ШАМИССО / CHAMISSOS SCHATTEN	ОКТАБРЬ, 6
16:30	ДОЧЬ / DOKHTAR	ОКТАБРЬ, 10
16:30	БЕГЕМОТ / BEI XI MO SHOU	ОКТАБРЬ, 2
16:45	ЧЕЛОВЕК-ШВЕЙЦАРСКИЙ НОЖ / SWISS ARMY MAN	ОКТАБРЬ, 7
16:45	LENALOVE / LENALOVE	ОКТАБРЬ, 4
18:00	ПАМЯТЬ ЗАБВЕНИЯ / QUASE MEMÓRIA	ОКТАБРЬ, 1
18:00	ХОРОШАЯ ЖЕНА / DOBRA ŽENA	ОКТАБРЬ, 5
18:30	ПУСТОЕ МЕСТО / PUSTOE MESTO	ОКТАБРЬ, 9
18:30	СЧАСТЬЕ / SCHASTE	ОКТАБРЬ, 9
19:00	Я – КУБА / YA – KUBA	ТГ, 1
19:00	МЕНЯ ЗОВУТ НУДЖУМ, МНЕ 10 ЛЕТ И Я РАЗВЕДЕНА / ANA NOJOOM BENT ALASHERAN WAMOTALAGAN	ОКТАБРЬ, 8
19:00	ОХОТНИКИ ЗА ПРИВИДЕНИЯМИ / GHOST BUSTERS	ЦДК, 1
19:00	СЪЕРАНЕВАДА / SIERANEVADA	ОКТАБРЬ, 7
19:00	СИБИРСКИЕ ЗАРИСОВКИ / SKETCHES OF SIBERIA	ОКТАБРЬ, 10
19:00	МАГНУС / MAGNUS	ОКТАБРЬ, 2
19:15	ПОЮЩИЕ БАШМАКИ / PEESHTITE OBUVKI	ОКТАБРЬ, 11
19:30	БЕЛАЯ ДЕВУШКА / WHITE GIRL	МОСКВА, 9
20:00	АРГЕНТИНА / ZONDA: FOLCLORE ARGENTINO	ОКТАБРЬ, 6
21:00	28:94 МЕСТНОЕ ВРЕМЯ / 28:94 TEGHAKAN ZHAMANAK	ОКТАБРЬ, 5
21:00	КРОВАВЫЕ БИВНИ / KROVAVYE BIVNI	ОКТАБРЬ, 1
21:15	МОЛЧАНИЕ МОРЯ / LE SILENCE DE LA MER	ОКТАБРЬ, 10
21:30	БРАТЯ / BRÖDRE	ЦДК, 1
21:30	КЕ-ДЫ / KE-DY	ПИОНЕР, 1
21:30	СТОЛКНОВЕНИЕ / ESHTEBAK	МОСКВА, 9
21:45	АКТ МАГНИТСКОГО. ЗА КУЛИСАМИ / THE MAGNITSKY ACT – BEHIND THE SCENES	ОКТАБРЬ, 8
21:45	ЛИМБ / DANS LES LIMBES	ОКТАБРЬ, 2
21:45	ПРЕОБРАЖЕНИЕ / PREOBRAZHENIE	ОКТАБРЬ, 4
21:45	АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ / BACALAUREAT	ПИОНЕР (ПАРК ГОРЬКОГО), 1
22:15	ВСТРЕЧНОЕ ТЕЧЕНИЕ / CHANG JIANG TU	ОКТАБРЬ, 6
22:15	КОРОЛЬ И ШУТ / WANG-UI NAMJA	ОКТАБРЬ, 9
22:30	ХЕЛЬМУТ БЕРГЕР, АКТЕР / HELMUT BERGER, ACTOR	ОКТАБРЬ, 11
23:59	В ТИХОМ ОМУТЕ / MA LOUTE	ОКТАБРЬ, 2

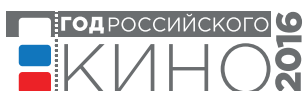
ТГ – ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ
ЦДК – ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

38 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
38 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 38 ММКФ / 38 MIFF SPONSORS

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Chopard

EISENBERG
PARIS

Коммерсантъ

МОС < КИНО

THE *Hollywood* РОССИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ
REPORTER

HELLO!
WWW.HELLO.RU

InStyle

24
DOC

ВРЕМЯ

РОССИЯ 1

WWW.KINOBUSINESS.COM
КИНОБИЗНЕС
СЕГОДНЯ

IT'S *Miller* TIME.